

Попов Ф. А. Внешняя политика Временного Приамурского правительства (1921—1922): процесс формирования и основные идеологические установки / Ф. А. Попов, В. Ж. Цветков // Научный диалог. — 2021. — № 9. — С. 431—449. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-431-449.

Popov, F. A., Tsvetkov, V. Z. (2021). Foreign Policy of Provisional Priamur Government (1921—1922): Process of Formation and Basic Ideological Attitudes. *Nauchnyi dialog*, 9: 431-449. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-431-449. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-9-431-449

**Внешняя политика
Временного Приамурского
правительства
(1921—1922):
процесс формирования
и основные идеологические
установки**

Попов Фёдор Алексеевич
orcid.org/0000-0002-8867-3300
аспирант
кафедра новейшей
отечественной истории
popovf1992@mail.ru

Цветков Василий Жанович
orcid.org/0000-0002-8053-7873
профессор
доктор исторических наук
vzh.cvetkov@mpgu.su

Московский педагогический
государственный университет
(Москва, Россия)

**Foreign Policy of Provisional
Priamur Government
(1921—1922):
Process of Formation
and Basic Ideological
Attitudes**

Fyodor A. Popov
orcid.org/0000-0002-8867-3300
postgraduate student
Department of Contemporary
Russian History
popovf1992@mail.ru

Vasiliy Zh. Tsvetkov
orcid.org/0000-0002-8053-7873
Professor
Doctor of Historical Sciences
vzh.cvetkov@mpgu.su

Moscow Pedagogical
State Universit
(Moscow, Russia)

© Попов Ф. А., Цветков В. Ж., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Статья посвящена внешнеполитическому курсу антибольшевистского Временного Приамурского правительства, осуществлявшего контроль над Приморьем в 1921—1922 годах. Источниковой базой исследования послужила публицистика проправительственной прессы (газеты «Слово», «Русский край», «Вестник Временного Приамурского правительства») и архивные материалы. Показано, что официальные заявления правительства (обращения, воззвания, интервью официальных лиц), публикуемые в прессе, содержали основы внешнеполитической доктрины Белого движения. Кроме того, указывается, что антибольшевистские публицисты регулярно отзывались на внешнеполитические события и через газетные статьи пытались формировать общественное мнение. Отмечается, что краеугольным камнем программы Временного Приамурского правительства был тезис об антагонизме «России» (персонифицируемой в белом Приморье) и «Совдепии»-РСФСР (вкупе с буферной Дальневосточной республикой). В качестве примера, иллюстрирующего применение идеологических установок Временного Приамурского правительства на практике, приведена отправка делегации белого Приморья на Вашингтонскую конференцию в конце 1921 года. Освещается предшествовавшая этому кампания в печати, призванная обосновать важность присутствия антибольшевистской делегации в Вашингтоне.

Ключевые слова:

гражданская война; Временное Приамурское правительство; внешняя политика Белого движения; идеологические программы Белого движения; Дальний Восток.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The article is devoted to the foreign policy course of the anti-Bolshevik Provisional Priamurye Government, which controlled Primorye in 1921—1922. The source base of the research was the journalism of the pro-government press (the newspapers “Slovo”, “Russian Territory”, “Bulletin of the Provisional Priamurye Government”) and archival materials. Particular attention is paid to the role of the media in substantiating the foreign policy of the Far Eastern non-socialists. It is shown that the official statements of the government (appeals, proclamations, interviews of officials) published in the press contained the foundations of the foreign policy doctrine of the White movement. In addition, it is indicated that anti-Bolshevik publicists regularly responded to foreign policy events and tried to form public opinion through newspaper articles. It is noted that the cornerstone of the program of the Provisional Priamurye Government was the thesis of the antagonism of “Russia” (personified in the white Primorye) and “Sovdepiia” — RSFSR (together with the buffer Far Eastern Republic). As an example, illustrating the application of Provisional Priamurye Government ideological attitudes in practice, the sending of a delegation from the white Primorye to the Washington conference at the end of 1921 is given. The preceding press campaign, designed to substantiate the importance of the presence of the anti-Bolshevik delegation in Washington, is highlighted.

Key words:

civil war; the Provisional Priamurye Government; foreign policy of the White movement; ideological programs of the White movement; Far East.

Внешняя политика Временного Приамурского правительства (1921—1922): процесс формирования и основные идеологические установки

© Попов Ф. А., Цветков В. Ж., 2021

1. Введение

Гражданская война в России, начавшись в предпоследний год Первой мировой войны, на всём своём протяжении была встроена в международный контекст. Антибольшевистские силы с самого начала заявляли о «союзной ориентации» и «верности Антанте». Союзники, в свою очередь, выводили собственную антибольшевистскую политику из предположения о подконтрольности большевиков германскому генеральному штабу. Поражение Четверного союза в конце 1918 года в некоторой степени деактуализировало идею полномасштабной интервенции в Россию. С этого момента, чтобы привлечь симпатии победителей, белые должны были убедить их в международной опасности большевизма как социальной болезни, независимо от имевших место контактов большевистских лидеров с Германией в годы войны.

Главными направлениями внешней политики правительства А. В. Колчака были его признание со стороны иностранных государств, стабильная военная помощь и сохранение территориальной целостности России [Шмелев, 2017], идеологическое обеспечение всех этих направлений зиждилось на бескомпромиссном антибольшевизме. Ситуация на Дальнем Востоке в 1918—1919 годах характеризовалась тенденцией интернационализации Гражданской войны, о чём свидетельствовало прибытие японских, британских, американских и китайских воинских контингентов на российскую территорию. Русская общественность по-разному воспринимала интервентов той или иной национальности: так, гуманитарный фактор, игравший заметную роль в американской интервенции (включая деятельность «Христианского союза молодых людей» на Востоке России), повышал престиж США среди широких слоёв населения [Жонев, 2015]; Япония оценивалась как наиболее действенный помощник Белого движения в борьбе с большевизмом, однако поддержка ею «атаманщины» вызывала беспокойство [Стельмак, 2021]. Некоторая часть интеллигенции и военных испытывала симпатии к побеждённой Германии, видя в союзе с ней альтернативу чрезмерным аппетитам Антанты [Кожевников, 2000].

Дальневосточный регион отличался недостаточной интеграцией в «колчаковское» государство, вносил минимальный вклад в борьбу на

Восточном фронте и страдал от «сепаратизма» местных казачьих атаманов (Г. М. Семёнова, И. П. Калмыкова, И. М. Гамова), которые выстраивали собственные отношения с интервентами (дружественные — с японцами, враждебные — с американцами). Владивосток обладал экстраординарным транзитным значением: через него могла поступать иностранная помощь правительству Колчака, но также через него интервенты могли эвакуироваться из России, сочтя свою миссию выполненной. Кроме того, в порту Владивостока со времён первой мировой войны скопились грузы военного и мирного предназначения, дальнейший сбыт которых был затруднён из-за начавшейся Гражданской войны. Тем самым создавался международно-правовой внешнеторговый казус, связанный с судьбой спорного, как бы «ничейного» имущества (вопрос распродажи грузов стоял перед каждым дальневосточным правительством независимо от его политической сущности). Интерес для иностранных предпринимателей представляли российские акватории Тихого океана, богатые рыбой и морепродуктами и фактически беззащитные перед лицом незаконной рыбной ловли. Укреплению российской белой государственности на Дальнем Востоке не способствовали проблемы с продовольственным обеспечением и зависимость от «жёлтого» наёмного труда [Шишкин, 2012].

К моменту падения режима «колчаковского» начальника Приамурского края генерал-лейтенанта С. Н. Розанова в январе 1920 года Белое движение на Востоке России утратило поддержку иностранцев, которые перестали видеть за ним какую-либо перспективу. Только атаман Семёнов по-прежнему пользовался поддержкой Японии — больше военной, чем дипломатической [Василевский, 2000, с. 106—110]. Образовавшееся во Владивостоке в конце января 1920 года Временное Правительство Приморской Областной Земской Управы (далее — ВППОЗУ) во главе с эсером А. С. Медведевым добивалось прекращения интервенции и «воссоединения дальневосточной окраины с Россией». На бурную политическую жизнь Приморья в 1920 году влияло внешнеполитическое позиционирование ВППОЗУ: так, после одобрения владивостокским правительством закрытия китайскими властями «царского» посольства в Пекине из совета управляющих ведомствами в знак протеста вышли министры-«цензовики» [Попов, 2016]. Несмотря на попытки приморских земцев заручиться поддержкой США в противоборстве с Японией [Ципкин, 2012, с. 156], добиться вывода японских войск из Приморья не удалось. «Воссоединение с Россией» было осуществлено путём вхождения Приморской области в состав большевистской марионеточной Дальневосточной республики (далее — ДВР) в конце 1920 года [Саблин, 2020, с. 267—270].

В начале 1921 года как реакция на успехи ДВР в Приморье активизировались правые силы. 20—31 марта 1921 года во Владивостоке ими был проведён Съезд несоциалистических организаций Дальнего Востока, на котором оформились идеологические установки «несоциализма» [Ляхов, 2015, с. 92—105]. С приходом к власти Временного Приамурского правительства (далее — ВПП) в результате переворота 26 мая 1921 года Белое движение вновь обрело внешнеполитическую субъектность и принялось за выстраивание отношений с иностранными державами. В этом деле оно не только учитывало сложившуюся на Дальнем Востоке композицию интересов, но также опиралось на опыт погибших белых правительств.

Вопросы внешней политики активно обсуждались в приморской прессе, которая формировала публичную сферу белого государственного образования. Жителям Приморья было неоткуда черпать сведения о международной обстановке, кроме как из газетной периодики Владивостока, Никольска-Уссурийского, а также Харбина, крупнейшего эмигрантского центра. Такие проправительственные газеты, как «Слово» и «Русский край», пестрили новостными и публицистическими материалами о международных отношениях, подавая их в русле своей идеологической линии. С программными манифестами ВПП (обращениями, воззваниями) приморцы также знакомились через прессу, являвшуюся, таким образом, оптимальным «связующим звеном» между режимом и общественностью. Внешнеполитическая составляющая приморской публицистики имела большое значение для «информационной войны», которая шла в регионе между правыми антикоммунистами и либерально-социалистической оппозицией (не говоря о большевиках, занимавшихся пропагандой подпольно). От интерпретации прессой того или иного внешнеполитического события (в качестве «успеха» или «провала») зависела реакция публики, активизация патриотических или, наоборот, паникёрско-пораженческих настроений.

2. Внешнеполитическая репрезентация белого Приморья в документах Временного Приамурского правительства и проправительственной публицистике

Для дальневосточных «несоциалистов» аксиомой являлась антинациональная природа советской власти. В их представлении неисправимая враждебность всему русскому (государственности, культуре, религии, хозяйству) выводила коммунистов за рамки политической партии и превращала в международную преступную группировку, по опасности превосходящую любого внешнего недруга России. Границы между понятием «внутреннего» и «внешнего» врага оказались стёрты, большевики мыслились уже не просто деструктивной российской партией, разжегшей граж-

данскую войну, а внешней, нерусской и антирусской интернациональной организацией, объявившей войну России.

Тезис об онтологической «нерусскости» красных давал приморским правым моральное основание запрашивать помощь интервентов, которые, в отличие от «германских шпионов» — большевиков, всё-таки считались союзниками России. Первым документом несоциалистического движения Приморья в период смены политического режима в области в 1920 году стала резолюция несоциалистических организаций 22 января, один из немногих голосов «справа» в период стремительного демонтажа белой «властной вертикали» на Дальнем Востоке [Резолюция ..., 1921, с. 2]. Согласно тексту резолюции, большевики поставили целью «уничтожение не только России как государства, но и других государств для установления во всем мире господства интернациональной коммунистической партии» [Там же]. Экспансия большевиков, наличие в их войсках «китайцев, мадьяр и прочих иностранцев» [Там же] заставили союзников России по Первой мировой войне вмешаться и помочь ей (Россия персонифицировалась в Белом движении) вооружением и воинскими контингентами. Особенно подчёркивалось более активное по сравнению с другими странами участие Японии, которая через поддержку русских антибольшевистских сил «хотя бы частично заплатит союзнический долг России за участие ее в мировой войне» [Там же]. Кампания против японской интервенции, развёрнутая левыми, маркировалась как лицемерная спекуляция врагов России на русском национальном чувстве, «способ партийной борьбы социалистов» [Там же]. От лица «русской несоциалистической демократии» говорилось о желательности дальнейшего пребывания войск Японии в Сибири и на Дальнем Востоке. На протяжении следующих трёх лет, когда в Приморье успело смениться пять правительств, дальневосточные антибольшевики не отступили от духа и буквы этой резолюции.

В официальных документах ВПП внешнеполитический аспект неизменно сопрягался с антикоммунистическим и националистическим. Меркуловский режим стоял перед той же двоякой задачей, что и остальные белые правительства: как уничтожить советскую власть (хотя бы в региональном масштабе), не поступившись при этом национальными интересами России. К лету 1921 года, когда под контролем белых осталась небольшая «ладошка» южного Приморья, задача уничтожения советской власти преобразовалась в задачу эффективной обороны оставшейся русской территории от проникновения туда коммунизма. Иначе стала пониматься и защита национальных интересов. Едва ли во Владивостоке могли помешать независимости балтийских «лимитрофов» или территориальным приобретениям Польши в западных губерниях бывшей Российской империи по

итогам Рижского мира (хотя владивостокские правые публицисты горячо протестовали против этого [О польско-советском соглашении, 1921, с. 1]). Естественным образом «национальные интересы» сместились на локальный, региональный уровень. Противоречия с иностранными державами и коммерческими структурами меркуловский Владивосток старался решить с пользой для России. Местные проблемы, в которых ВПП приходилось вступать в конфронтацию с внешними силами, отличались разнообразием: борьба с китайским хунхузничеством, нарушение прав русских граждан в Китае, незаконная ловля рыбы в российских водах, положение русских на оккупированном японцами Северном Сахалине, нежелание японского командования выдавать конфискованное у войск ВППОЗУ оружие и т. д. Следует отметить, что Япония вызывала у дальневосточных несоциалистов уважение как государство с твёрдыми монархическими устоями, но в то же время их раздражала двойственность японской политики на русском Дальнем Востоке, проявившаяся, например, в факте переговоров японцев с большевиками на Дайренской конференции [Попов, 2019].

Владивосток болезненно реагировал на концессионную политику РСФСР и ДВР. Изменившийся с началом «новой экономической политики» подход к привлечению иностранного капитала сулил большевикам немалые выгоды. Перспектива открытия на советском Дальнем Востоке концессий означала в первую очередь признание иностранцами экономической непривлекательности белого Приморья. Ввиду того, что ВПП само планировало сдавать в концессии природные богатства, большевики составляли ему неприятную конкуренцию. Готовность иностранцев иметь «деловые отношения» с «Тобельсонией» (ДВР) при одновременном игнорировании ими белой русской власти во Владивостоке наносила ВПП большой репутационный ущерб. В нормативно-правовых актах, программных документах правительства, статьях публицистов правого направления торговые сношения «Совдепии» и ДВР с иностранцами интерпретировались в качестве очередного проявления «предательской», антигосударственной и антироссийской политики большевиков.

Неоднозначность отношений между большевиками, иностранцами и белыми дала о себе знать в ходе столкновения в мало освоенном северо-восточном углу Дальнего Востока — на Камчатке. В конце 1920 года переговоры советского правительства с председателем «National City Bank» Ф. А. Вандерлипом завершились публикацией проекта соглашения о выделении территорий на Камчатке для сдачи их в концессию [Косых, 2015, с. 100]. Удобство дальнейших переговоров требовало их ведения в Москве вместо сношений с труднодоступной Читой, за которой формально был закреплён полуостров. Поэтому по договору о границах между ДВР и РСФСР

22 марта 1921 года Камчатская область передавалась в состав последней [Кошкарева, 2018, с. 10]. В постановлении 11 июня 1921 года ВПП выражало протест против советизации Камчатки, объявляло о принадлежности полуострова Приморскому государственному образованию и о ничтожности всех концессионных сделок, заключённых с РСФСР и ДВР [ГАРФ, ф. р 936, оп. 1, д. 11, л. 144 (с об)]. Советская власть обвинялась «в расточении народных богатств» [Там же] и «систематической распродаже территории бывлой Великой России» [Там же]. Обосновывая свои права на Камчатку, ВПП на этот раз строило аргументацию не только на позиционировании себя «единственной Россией» (в которую автоматически входили почти все территории бывшей РИ), но и на приморском регионализме: «Притязания советской власти на Камчатку лишены каких-бы то ни было оснований, т. к. Камчатка всегда тесно соприкасалась во всех ее жизненных интересах с Приморской областью, которой она и принадлежит» [Там же]. Экспедиция есаула В. И. Бочкарёва (сентябрь 1921 года) подавалась в качестве правительственной меры по освобождению Камчатки не только от большевиков, но и от иностранного капитала. Заняв Петропавловск, Бочкарёв телеграфировал во Владивосток, что «пресечена деятельность авантюристов, большевиков и Вандерлипа» [Ципкин, 2012, с. 194].

Противопоставление белого Приморья как последнего оплота русской государственности антинациональной «Совдепии» должно было соблюдаться и в печати. Этого требовал председатель правительства С. Д. Меркулов, чья подпись стояла под опубликованным 9 мая 1922 года в «Вестнике Временного Приамурского Правительства» обращением к прессе. Меркуловым отмечалась взаимосвязь между «преступной» внутренней политикой большевизма и притязаниями иностранных держав, которые благодаря разрушению русского государственного организма получили возможность безнаказанно удовлетворять своим аппетиты за счёт России. В привычной для Меркулова экспрессивной манере подводились итоги правления коммунистов за 4 года: «В течение четырех лет их разбойничьего владычества над Россией, последняя разграблена и разорена, а миллионы русских граждан безжалостно истреблены и замучены. И эта дьявольская оргия вырождков человечества, приведшая страну к небывалому голоду, угрожающему неизбежной гибелью десяткам миллионов людей, все еще продолжается. Чувствуя свою неизбежную гибель, исчадие ада — вожди советовласти стремятся продлить дни своего владычества путем соглашения и договоров с иностранными державами, алчно взирающими на поверженную в прах русскую государственность, в ожидании безнаказанного захвата естественных богатств обширной России» [От Председателя ..., 1922, с. 3]. Главным средством осуществления антироссийской политики назы-

валось искусственное уравнивание России и РСФСР, отождествление русского народа и советского правительства «мировых преступников». Такая подмена понятий была выгодна как большевикам, видевшим в этом шаг к международному признанию их власти, так и иностранцам, которым при заключении сделок с большевиками было «необходимо приучать человечество к мысли, что акты, исходящие от них (от большевиков. — Ф. П.), и подписи, данные ими под такими актами, являются актами, исходящими от России и от русского народа» [Там же].

Глава ВПП горячо протестовал против такой практики и требовал, по крайней мере от приморской печати, разграничения понятий «Россия» и «советская власть». Весомым аргументом в пользу недопустимости уравнивать эти два понятия Меркулов считал насыщенность структур советского государства «инородцами», в особенности евреями. Им проводилась историческая параллель со Смутным временем начала XVII века, когда в Кремле на некоторое время закрепились «нерусская власть». Председатель ВПП устанавливал правильную, с точки зрения антибольшевистского движения, норму словоупотребления: «Власть Бронштейна-Троцкого и Ульянова-Ленина, их действия и акты могут быть называемы только их настоящими названиями: Господство, власть Ленина, Троцкого, власть большевистская, власть разбойничья, власть воинствующего еврейства и т. п.» [Там же]. При размещении в газетах сведений из иностранных источников, от редакций требовалось переделывать «неправильное употребление в них понятий» [Там же]. Заявление С. Д. Меркулова продемонстрировало осознанное стремление власти регулировать понятийный аппарат информационного пространства. Глава правительства демонстрировал понимание того, как глубоко язык влияет на политику, в частности, он считал, что неуместное употребление макротопонима *Россия* и этнонима *русские* применительно к большевикам способствует укреплению последних. Белое Приморье объявлялось территорией, свободной от советского политического языка, в противовес ему конструировался язык «национальной России», не терпящий двусмысленности в разграничении «своих» и «чужих».

Первые лица белого Приморья старались убедить иностранные державы в том, что дипломатическое признание ВПП соответствует их национальным интересам. За пределами Азиатско-Тихоокеанского региона антибольшевистский Владивосток искал поддержки у Франции, ведущей державы послевоенной Европы. Министр юстиции С. П. Руднев вспоминал, что правительство имело «некоторые серьезные связи и с Брюсселем, и с Парижем ...» [Руднев, 1927, с. 436] (под «Брюсселем», по всей видимости, подразумевалась не Бельгия, а группа русских эмигрантских капиталистов во главе с экс-директором завода «Сормово» Г. Богдановым,

искавшая возможности вложить средства в развитие Приморья, при гарантии невозвращения туда большевиков [Экономические перспективы, 1921, с. 2]). Телеграмма президенту Александру Мильерану от С. Д. Меркулова (апрель 1922 года) наполнена типичными для главы ВПП религиозно окрашенными обличениями «адского губительного господства сынов дьявола большевиков» [ГАРФ, ф. р 942, оп. 1, д. 54, л. 3]. В то же время Меркулов использует рациональный и светский аргумент, к которому французское общество не могло остаться равнодушным: установление дипломатических отношений между РСФСР и Германией или, по тексту телеграммы, «между непримиримыми врагами Франции — тевтоном и мировыми преступниками, засевшими в московском кремле» [Там же] (имелся в виду Раппальский договор 16 апреля 1922 года). Играя на англо-французских противоречиях, Меркулов упоминает «вероломное поведение Англии, которая, как Исав, продает за чечевичную похлебку первородство культурного христианского человечества» [Там же]. Среди идеологических основ белой государственности глава ВПП называет «подлинный национальный демократизм», а также «истинную свободу, истинное братство как основы подлинной христианской демократии» [Там же, л. 3 об]. Через сближение правоконсервативного дискурса приморского «несоциализма» с французской республиканской триадой «свобода, равенство, братство» Меркулов хотел добиться понимания со стороны президента Франции.

Русские националисты предпринимали попытки «открыть глаза» иностранцам на природу большевистского режима и заручиться поддержкой великих держав. При этом идеология патриотического антикоммунизма, с одной стороны, подразумевала отказ признавать Россию в интернациональной «Совдепии» (и, следовательно, отказ от примирения с «Совдепией» в условиях её войны с внешним врагом), с другой — её адепты рьяно протестовали против «расчленения» российского геополитического пространства, экономической эксплуатации России и прочих оскорбительных для национального достоинства действий. Неразрывность этих двух составляющих белого политического мышления показывает статья «Русский вопрос — международный» в номере «Русского края» от 4 сентября 1921 года. Анонимным публицистом констатировалось: «Наличие большевистской власти есть наличие того опасного социального гнояника, при котором спокойствие Европы не гарантировано» [Русский вопрос ..., 1921, с. 1]. Вслед за этим постулатом следовали упреки в адрес иностранцев, которые не только не оказали антибольшевистскому движению должной помощи, но и покушаются на «русские территории». Брестский мир, а теперь и Версальский, заключены в отсутствие легитимного российского правительства и поэтому «нежизненны». Планы по установлению внеш-

него контроля над Транссибирской магистралью рассматривались в русле превращения России из субъекта в объект международного права. Русские антибольшевики выражали несогласие с такой, по сути, колониальной политикой: «У России есть задачи и поважнее торговли с иностранцами, и во имя этой торговли Россия не будет превращена в кучу никому не принадлежащего имущества» [Там же]. Задаваясь аналогичным вопросом о характере экономического сотрудничества с соседними государствами после победы над большевизмом, «Слово» намечало «третий путь», альтернативный как хозяйственному порабощению, так и контрпродуктивной изоляции России от внешнего мира. Он заключался во взаимовыгодном обмене при согласии на уступки в пределах разумного [Россия и соседи, 1921, с. 1].

Злободневность защиты российских рубежей от посягательств извне подчёркивалась путём чествования русских национальных героев. Ко дню памяти Александра Невского 12 сентября (по старому стилю — 30 августа) «Русский край» напомнил читателям о заслугах князя в деле защиты западных рубежей Руси. Внешняя политика средневекового правителя, которому приходилось не только отражать удары шведов и ливонских рыцарей, но и «унижаться за Родину» в ханской ставке, заставляла задуматься о современном положении Приморья, поставленного в зависимость от Японии. Отсутствие живого отклика жителей Владивостока на значимый религиозный и патриотический праздник вызвало уныние «Русского края», который ставил в пример переполненные церкви Харбина. Автор статьи пришёл к выводу, что если большинство русских харбинцев — это беженцы, чьё национальное самосознание пробудилось после близкого знакомства с большевизмом, то «Владивосток, видимо, мало испытал тяжёлый пресс безверной банды, атеистических полчищ, давящих все истинно-верующее и национальное» [Каве, 1921, с. 2].

Международные отношения после Первой мировой войны переживали полномасштабную трансформацию. Державы-победительницы делили зоны влияния. Крах Четверного союза, распад Российской империи и центробежные процессы в Китае оставляли широкий простор для соперничества победителей за счёт проигравших и ослабленных государств. Вместе с тем появление Лиги Наций, межгосударственного наднационального органа, давало надежду на урегулирование многочисленных конфликтов в русле гуманистической идеологии, на основе норм международного права. Не ослабшие и даже усилившиеся после войны «империалистические» амбиции отдельных стран вступали в противоречие с идеологией либерального интернационализма, обретшей популярность во многом благодаря миротворческим инициативам президента США Вудро Вильсона.

Приморье находилось на пересечении интересов сразу нескольких держав. Модернизационные процессы, запущенные революцией февраля — октября 1917 года, на российском Дальнем Востоке особенно тесно переплетались с оформлением Версальско-Вашингтонской системы. Общественное мнение Приморья не могло игнорировать глобальные перемены, а потому живо интересовалось новостями мировой политики, осмысляло их с учётом российских и региональных приморских реалий.

Постоянный автор статей для «Слова» на международно-политические темы, публицист под псевдонимом Каэль признавал, что судьба русской антибольшевистской власти в Приморье зависит преимущественно от воли внешних сил, что, впрочем, не должно оправдывать бездействие: «Наша же судьба будет решаться в Лондоне, Париже, Берлине, Вашингтоне и Токио, но не в Москве и не здесь. Однако от нас самих, от нашего благоразумия, безусловно, зависит хоть несколько повлиять на решение нашей судьбы в мировых центрах» [Каэль, 1921а, с. 1]. На июнь 1921 года публицист констатировал следующие «мировые сдвиги»: сближение между «детьми Одина» (германскими народами), то есть между Великобританией и Германией, которые вовлекают в свою орбиту РСФСР; сближение между Францией и США, причём антибольшевистская линия Франции побуждает её, с одной стороны, усиливать Польшу «за счет искони русских земель» (что отталкивает от Парижа «будущую Россию»), а с другой — группировать вокруг себя русские антибольшевистские силы. Япония, по оценке «Каэля», всё меньше стремится к конфронтации с США, понимая гибельность такого соперничества; при возобновлении же англо-японского альянса «весьма вероятен уклон и Японии в сторону советской России» [Там же]. В подтверждение своих гипотез Каэль ссылался на визит наследника японского императорского престола в Париж, за которым последовало известие о движении белой Русской эскадры на Дальний Восток. Приморский публицист предполагал, что французы вняли упрёкам, которые адресовал им генерал П. Н. Врангель, и совместно с Японией готовы теперь помочь русским антибольшевику. Дальнейшее развитие событий не подтвердило этих предположений постоянного сотрудника «Слова». Сам он, впрочем, не преувеличивал своих прогностических способностей, ссылаясь на «информационный голод», который переживает приморская журналистика: «Не будучи осведомлены в официальных сведениях и дипломатических переговорах держав, мы можем оперировать только газетными сведениями, причем, конечно, возможны большие ошибки» [Каэль, 1921б, с. 4]. Тем не менее Каэль допускал, что практикуемый им и другими авторами анализ зарубежной прессы может вести (и уже не раз приводил) к точным прогнозам.

3. Временное Приамурское правительство и Вашингтонская конференция

Многосторонние дипломатические конференции привлекали внимание ВПП, поскольку позволяли белому Приморью напомнить «великим державам» о своём существовании. Международная конференция по ограничению морских вооружений, проходившая в Вашингтоне с 12 ноября 1921 года по 6 февраля 1922 года, заинтересовала Владивосток ещё на стадии подготовки к ней. Изначально заявленная тема конференции — разоружение — лишь косвенно затрагивала Дальний Восток, однако вскоре выяснилось, что проблемы Азиатско-Тихоокеанского региона займут первое место в повестке [Безруков, 2015]. В принципе, противостояние большевизму могло быть увязано и с вопросами разоружения, о чём почти за 4 месяца до открытия конференции рассуждал И. Люблинский в «Слове». Мирного сосуществования государств, по мнению автора, можно достичь только после устранения главного источника агрессии — коммунистического режима в Москве. «Не мешает также помнить, что, приступая к гуманной идее ограничения вооружения, надо приступить с чистыми руками и чистой совестью. Возможен ли мир в то время, когда иностранные наемные полчища мадьяр, латышей, турок, китайцев и др. под руководством интернациональных большевиков разъедают и рвут на части тело России и производят избиение русского беззащитного народа на глазах у всего цивилизованного мира. Не должно ли послужить первой задачей созываемой конференции прекращение этого позорного дела» [Люблинский, 1921, с. 1]. Люблинский апеллировал ко вкладу России в победу союзников в первой мировой войне, в знак благодарности за который победители обязаны озаботиться ликвидацией большевизма.

Правительство заранее готовилось к отправке делегации в Вашингтон. Острогу этому вопросу добавляло соперничество с делегацией ДВР, которая также изъявила желание посетить конференцию. Обсуждался состав делегации, её представительность: кроме уполномоченных ВПП, в Вашингтон собирались поехать члены эмигрантских организаций из таких крупных центров «русского рассеяния», как Париж, Берлин и Константинополь. «Русский край» призывал к единению ради лучшей репрезентации на международной арене: «Русская национальная мысль должна сплотиться, чтобы не допустить новой продажи интересов России коммунистами в Вашингтоне, если проект о допущении туда большевиков будет близок к осуществлению» [Нельзя допустить, 1921, с. 1]. В приморскую делегацию, кроме членов правительства и совета управляющих ведомствами, предполагалось включить представителей Народного Собрания, военных и торгово-промышленников, но Указ ВПП № 52 от 16 ноября 1921 года

подтвердил участие лишь Н. Д. Меркулова, генерал-лейтенанта Д. Л. Хорвата, управляющего ведомством иностранных дел В. С. Колесникова и особоуполномоченного ВПП в США И. К. Окулича. В итоге в Вашингтон отправились только Колесников и Окулич [Цветков, 2016, с. 440].

Прецедент совместной работы разных центров антибольшевистского движения, как внутрироссийских (в лице прежде всего ВПП), так и эмигрантских, вдохновлял приморских публицистов. «Словом» был сделан вывод, что после подключения к конференции эмигрантов «в Вашингтоне образуется крупное несоциалистическое объединение русского представительства» [Приморцев, 1921, с. 1]. С другой стороны, возможность самостоятельных действий эмигрантов, не скованных обязательствами перед меркуловским режимом или даже скептически относившихся к ВПП, настораживала Владивосток. «Русский край» писал, что владивостокское правительство, которое «представляет собою небольшой клочок живого государства», лучше справится с представительством России на конференции, чем «остатки бюрократии», которые «представляют от имени очень крупного, но, к сожалению, безжизненного в настоящий момент государственного тела» [Должна быть послана делегация, 1921, с. 2] (под приведённую характеристику «бюрократии» подпадает, в частности, русское посольство в Вашингтоне во главе с Б. А. Бахметевым).

Главным идеологическим документом, призванным обозначить и укрепить позиции Приморья на Вашингтонской конференции, стал меморандум ВПП на имя государственного секретаря США Чарльза Хьюза. Он был передан американской стороне в конце декабря 1921 года, сразу по приезде В. С. Колесникова в США. Меморандум характеризовал ВПП как «временную организацию, которая существует для борьбы с большевизмом и для того, чтобы помочь возрождению Демократической России» [Цветков, 2016, с. 442]. В нём содержались основные сведения об истории прихода ВПП к власти, его программе, государственном устройстве Приморья, территориальных границах и населении, давалась взвешенная оценка японской интервенции [Там же, с. 442—443].

Окулич, имея собственные представления о внешнеполитических приоритетах Приморья, без согласования с Колесниковым предпринял самостоятельную попытку добиться расположения американских элит и 5 декабря представил в Государственный Департамент США сведения о насилиях японских войск на российском Дальнем Востоке, в особенности на русской части Сахалина. Используя статус особоуполномоченного ВПП, Окулич указал в рассылаемом на имя американских сенаторов и российских послов обращении на необходимость вывода японских войск с российской территории. Этот демарш осложнил положение ВПП, в результате

чего Окулич был лишён полномочий, а его поступок официально дезавуирован Колесниковым [Там же, с. 444].

Деятельность Колесникова в Вашингтоне не возымела практического эффекта. В письме управляющему ведомством иностранных дел во Владивостоке от 16 января 1922 года он сообщал, что американская пресса «куплена» большевиками, а интервью с ним «напечатали в таком извращенном виде, что просто оторопь берет» [Письмо В. С. Колесникова, 1922, с. 1]. Лоббирование интересов просоветского буфера выразилось в издании на английском языке конституции ДВР и брошюры «История возникновения ДВР». По словам Колесникова, большое влияние на общественное мнение оказывала работа американских журналистов, побывавших в ДВР: Аббота, Дэвиса и Ф. Маккормика. Истинное положение дел на Дальнем Востоке фальсифицировалось через некорректные картографические образы: «На изданной в Нью-Йорке карте ДВР тянется “от берегов Великого океана”, а Владивосток занят лишь “бандой реакционеров и контрреволюционеров”» [Там же]. Не удалось достичь взаимопонимания и с эмиграцией: приехавший в Вашингтон П. Н. Милюков рассматривал «белоповстанческий» поход на Хабаровск как чисто японское предприятие и поэтому относился к нему негативно, Б. А. Бахметев был недоволен тем, что меркуловское правительство носит титул регионального, а не всероссийского [Там же]. Несмотря на то, что главная цель — международное признание Приморского государственного образования — не была достигнута, во время пребывания на конференции В. С. Колесникову удалось завести полезные знакомства, потенциал которых мог быть раскрыт в будущем. Кроме того, ВПП получило ценный опыт переговоров с высшими должностными лицами иностранных государств.

4. Заключение

Таким образом, внешнеполитическая доктрина правительства С. Д. Меркулова имела основанием тезис о разнонаправленности интересов «подлинной России» (белого Приморья) и «Совдепии» / «Тобельсонии» (РСФСР и ДВР). Дипломатические усилия Владивостока были направлены на привлечение внимания иностранцев к перспективам сотрудничества с русскими антибольшевиками и, соответственно, к опасности любых контактов с Советской Россией как источником «революционной угрозы».

Приморская публицистика 1921—1922 годов не ограничивала себя исключительно дальневосточной проблематикой, но выходила на глобальный уровень обобщений — авторы пытались понять механику международных отношений внутри Версальской системы, прогнозировали те или иные межгосударственные союзы, ища в них возможную выгоду для Белого движения.

Отправка делегации ВПП на конференцию в Вашингтоне преследовала цель добиться официального признания со стороны мирового сообщества или, по крайней мере, помешать конкурентам из ДВР достигнуть того же. При этом посланники ВПП не нашли взаимопонимания с русскими эмигрантскими кругами, также проявившими интерес к конференции. Негативно сказались и противоречия между позициями особоуполномоченного в США И. К. Окулича и министра иностранных дел В. С. Колесникова. После неудачи с поездкой в США дальневосточным противникам большевизма оставалось надеяться только на отсрочку вывода японских войск из Приморья.

В целом же для идеологических программ антибольшевистских режимов в Приморье в 1921—1922 годах был характерен баланс между стремлением подтолкнуть иностранные государства к активной борьбе с большевизмом и задачей не допустить при этом ущемления интересов России.

Тема внешней политики ВПП, естественно, не исчерпывается «русским антибольшевистским взглядом» на мировые события. В дальнейших исследованиях предстоит выяснить, как белое Приморье 1921—1922 годов воспринималось в оптике иностранных внешнеполитических структур.

Источники и принятые сокращения

1. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р936 (Управление делами Временного Приамурского Правительства. Владивосток). Оп. 1. Д. 11. Л. 144 (с об); Ф. Р942 (Управление иностранными делами Временного Приамурского Правительства. Владивосток). Оп. 1. Д. 54. Л. 3—3 об.

2. *Должна быть послана делегация* // Русский край : газета. — 1921. — № 137. — С. 2.

3. *Каве*. В день Св. князя Александра Невского / Каве // Русский край : газета. — 1921. — № 84. — С. 2.

4. *Каэль*. Мировые сдвиги / Каэль // Слово : газета. — 1921а. — № 330. — С. 1.

5. *Каэль*. Новое в русском вопросе / Каэль // Слово : газета. — 1921б. — № 346. — С. 4.

6. *Люблинский И.* Кое-что о Вашингтонской конференции / И. Люблинский // Слово : газета. — 1921. — № 361. — С. 1.

7. *О польско-советском соглашении* // Слово : газета. — 1921. — № 478. — С. 1.

8. *От Председателя Врем. Приамурского Правительства* // Вестник Временного Приамурского Правительства : газета. — 1922. — № 28. — С. 3.

9. *Письмо В. С. Колесникова* // Вечерняя газета : газета. — 1922. — № 231. — С. 1.

10. *Приморцев А.* В Вашингтоне / А. Приморцев // Слово : газета. — 1921. — № 434. — С. 1.

11. *Резолюция* несоциалистическ. организаций // Голос Родины : газета. — 1920. — № 106. — С. 2.

12. *Руднев С. П.* Воспоминания. При вечерних огнях / С. П. Руднев. — Харбин : Заря, 1927. — 467 с.

13. *Русский вопрос* — международный // Русский край : газета. — 1921. — № 77. — С. 1.

14. *Россия и соседи* // Слов : газета. — 1921. — № 430. — С. 1.

15. *Экономические перспективы* // Слово : газета. — 1921. — № 411. — С. 2.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Безруков Д. А.* Вашингтонская конференция по ограничению морских вооружений как фактор зарождения потенциальных узлов противоречий в Азиатско-Тихоокеанском регионе / Д. А. Безруков // Вестник ВятГУ. — 2015. — № 5. — С. 30—34.
2. *Василевский В. И.* Забайкальская белая государственность в 1918—1920 годах : Краткие очерки истории / В. И. Василевский. — Чита : Поиск, 2000. — 182 с. — ISBN 5-93119-044-9.
3. *Кожевников В. А.* Прогерманская ориентация в антибольшевистском движении в Сибири и на Дальнем Востоке / В. А. Кожевников // Из истории гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.) : сборник научных статей. — Хабаровск : Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2000. — Выпуск 2. — С. 25—35. — ISBN 5-87155-050-9.
4. *Конов К. А.* «Доблестные союзники» или «симулированные друзья» : интервенция США в изображении периодической печати Сибири и Дальнего Востока / К. А. Конов // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2015. — № 2—6 (62). — С. 275—280.
5. *Косых Е. С.* Становление советско-американских торгово-экономических отношений (1918—1923 гг.) / Е. С. Косых // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2015. — № 10—3 (60). — С. 99—102.
6. *Кошкарева С. Г.* Камчатка в системе АТР (Из исторического опыта первой половины XX века) / С. Г. Кошкарева // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. — 2018. — № 1 (31). — С. 9—14.
7. *Ляхов Д. А.* Небольшевистские модели политического устройства Дальнего Востока России (конец 1919—1922 гг.) / Д. А. Ляхов. — Хабаровск : Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2015. — 188 с. — ISBN 978-5-94961-095-4.
8. *Попов Ф. А.* Закрытие российского посольства в Китае в контексте политико-идеологической борьбы на Дальнем Востоке России (1920) / Ф. А. Попов // История : факты и символы. — 2016. — № 4 (9). — С. 122—133.
9. *Попов Ф. А.* Образ японской интервенции в русской дальневосточной прессе : политика и повседневность (1920—1922) / Ф. А. Попов // История : факты и символы. — 2019. — № 3 (20). — С. 22—32. — DOI: 10.24888/2410-4205-2019-20-3-22-32.
10. *Саблин И.* Дальневосточная республика : от идеи до ликвидации / И. Саблин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 480 с. — ISBN 978-5-4448-1240-2.
11. *Стельмак М. М.* Образ Японии в антибольшевистской правительственной прессе Западной Сибири в период Российского правительства А. В. Колчака (ноябрь 1918 — декабрь 1919 г.) / М. М. Стельмак // Вестник Томского государственного университета. История. — 2021. — № 69. — С. 171—181. — DOI: 10.17223/19988613/69/25.
12. *Цветков В. Ж.* Белое дело в России. 1920—1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России) / В. Ж. Цветков. — Москва : Достижение, 2016. — Ч. 2. — 640 с.
13. *Ципкин Ю. Н.* Гражданская война на Дальнем Востоке России : формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917—1922 гг.) / Ю. Н. Ципкин. — Хабаровск : Хабаровский краевой музей имени Н. И. Гродекова, 2012. — 246 с. — ISBN 978-5-94961-066-4.
14. *Шишкин В. И.* Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914—1922 гг. / В. И. Шишкин // Гражданская война и иностранная интер-

венция на Российском Дальнем Востоке : уроки истории. Материалы второй Международной научной конференции, посвященной 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке (Владивосток, 25—27 октября 2012 г.). — Владивосток : Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. — С. 74—80.

15. Шмелев А. В. Внешняя политика правительства адмирала А. В. Колчака (1918—1919) / А. В. Шмелев. — Санкт-Петербург : Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. — 266 с. — ISBN 978-5-94380-221-8.

MATERIAL RESOURCES

- A delegation should be sent. (1921). *Russian Territory: gazeta*, 137: 2. (In Russ.).
- About the Polish-Soviet agreement. (1921). *Slovo: gazeta*, 478: 1. (In Russ.).
- Economic prospects. (1921). *Slovo: gazeta*, 411: 2. (In Russ.).
- From the Chairman Of the Time. The Amur Government. (1922). *Bulletin of the Provisional Amur Government: a newspaper*, 28: 3. (In Russ.).
- Kael. (1921). New in the Russian question. *Slovo: gazeta*, 346: 4. (In Russ.).
- Kael. (1921). World shifts. *Slovo: gazeta*, 330: 1. (In Russ.).
- Kave. (1921). On the day of St. Prince Alexander Nevsky. *Russian Krai: gazeta*, 84: 2. (In Russ.).
- Letter of V. S. Kolesnikov. (1922). *Evening newspaper: newspaper*, 231: 1. (In Russ.).
- Lublinsky, I. (1921). Something about the Washington conference. *Slovo: gazeta*, 361: 1. (In Russ.).
- Primortsev, A. (1921). In Washington. *Slovo: gazeta*, 434: 1. (In Russ.).
- Resolution of the non-socialist. Organizations. (1920). *Golos Rodina: gazeta*, 106: 2. (In Russ.).
- Rudnev, S. P. (1927). *Memoirs. At evening lights*. Harbin: Zarya. 467 p. (In Russ.).
- Russia and its neighbors. (1921). *Words: gazeta*, 430: 1. (In Russ.).
- Russian question-international. (1921). *Russky Krai: gazeta*, 77: 1. (In Russ.).
- State Archive of the Russian Federation. F. P936 (Department of Affairs of the Provisional Amur Government. Vladivostok). Op. 1. d. 11. l. 144 (with ob); F. P942 (Department of Foreign Affairs of the Provisional Amur Government. Vladivostok). Op. 1. d. 54. l. 3—3 vol.* (In Russ.).

REFERENCES

- Bezrukov, D. A. (2015). Washington conference on the limitation of naval armaments as a factor in the origin of the potential contradictions in the Asia-Pacific region. *Bulletin of Iyatgu*, 5: 30—34. (In Russ.).
- Konev, K. A. (2015). “Gallant allies” or “fake friends”: the US intervention in the image periodicals Siberia and the Far East. *Bulletin of Kemerovo state University*, 2—6 (62): 275—280. (In Russ.).
- Koshkareva, S. G. (2018). Kamchatka in the APR system (From the historical experience of the first half of the XX century). *Bulletin of KRAUNTS. Humanities*, 1 (31): 9—14. (In Russ.).
- Kosykh, E. S. (2015). The formation of Soviet-American trade and economic relations (1918—1923). Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural

- studies and art criticism. *Questions of theory and practice*, 10—3 (60): 99—102. (In Russ.).
- Kozhevnikov, V. A. (2000). Pro-German orientation in the anti-Bolshevik movement in Siberia and the Far East. In: *From the history of the Civil War in the Far East (1918—1922): A collection of scientific articles*, 2. Khabarovsk: Khabarovsk regional Museum named after N. Grodekova I. 25—35. ISBN 5-87155-050-9. (In Russ.).
- Lyakhov, D. A. (2015). *Non-Bolshevik models of the political structure of the Russian Far East (late 1919—1922)*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov. 188 p. ISBN 978-5-94961-095-4. (In Russ.).
- Popov, F. A. (2016). The closure of the Russian Embassy in China in the context of the political and ideological struggle in the Russian Far East (1920). *History: facts and symbols*, 4 (9): 122—133. (In Russ.).
- Popov, F. A. (2019). The image of the Japanese intervention in the Russian Far Eastern press: politics and everyday life (1920—1922). *History: facts and symbols*, 3 (20): 22—32. DOI: 10.24888/2410-4205-2019-20-3-22-32. (In Russ.).
- Sablin, I. (2020). *The Far Eastern Republic: from the idea to liquidation*. Moscow: New Literary Review. 480 p. ISBN 978-5-4448-1240-2. (In Russ.).
- Shishkin, V. I. (2012). The geopolitical role of the Russian Far East during the Great War of 1914—1922. In: *Civil war and foreign intervention in the Russian Far East: lessons of history. Materials of the second International Scientific Conference dedicated to the 90th anniversary of the end of the Civil War and foreign intervention in the Russian Far East (Vladivostok, October 25—27, 2012)*. Vladivostok: Publishing House of the Far Eastern Federal University. 74—80. (In Russ.).
- Shmelev, A. V. (2017). *Foreign policy of the government of Admiral A. V. Kolchak (1918—1919)*. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg. 266 p. ISBN 978-5-94380-221-8. (In Russ.).
- Stelmak, M. M. (2021). The image of Japan in the anti-Bolshevik government press of Western Siberia during the Russian government of A. V. Kolchak (November 1918 — December 1919). *Bulletin of the Tomsk State University. History*, 69: 171—181. DOI: 10.17223/19988613/69/25. (In Russ.).
- Tsipkin, Yu. N. (2012). *The Civil War in the Russian Far East: the formation of anti-Bolshevik regimes and their collapse (1917—1922)*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after N. I. Grodekov. 246 p. ISBN 978-5-94961-066-4. (In Russ.).
- Tsvetkov, V. Zh. (2016). *White business in Russia. 1920—1922 (formation and evolution of the political structures of the White Movement in Russia)*, 2. Moscow: Dignity. 640 p. (In Russ.).
- Vasilevsky, V. I. (2000). *Zabaykalsky white statehood in 1918—1920: a Brief history*. Chita: Search. 182 p. ISBN 5-93119-044-9. (In Russ.).